

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ^к

18

ПОДМЕНА

КНИГА 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Череди́й

Подмена

Серия «Мир жестоких фейри», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43085471

SelfPub; 2019

Аннотация

Женщина, живущая по принципу работа-дом-работа, я не подозревала, что тайны окутывают меня с самого момента появления на свет. Единственная встреча с Ним, загадочным и угрожающим, пленила мое сердце, перевернула спокойную жизнь с ног на голову. Комок плоти в груди заколотился при виде резких черт Его обветренного темного лица и глубокого уродливого шрама, пробуждая живую и трепещущую эмоциями душу. Тогда и началось мое наваждение, терзающее смутными тревогами, предвкушениями сладостной боли и предчувствиями беды или счастья? Наваждение, с которого началась моя дорога в другой мир...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Фальшивка	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	55
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Часть первая. Фальшивка

Глава 1

– Уберите ЭТО! Уберите! Прочь!

Полноватая сестра детского отделения вылетела из одно-местной палаты под истошные женские крики, держа в руках крошечный сверток из застиранных казенных пеленок неопределенного цвета. В коридоре она столкнулась с пожилой санитаркой, которая оторвалась от мытья полов и несколько раз перекрестилась.

– Я не буду это кормить! – продолжали вопить в палате. – Не смейте приносить мне это! Оно даже не живое! Верните моего ребенка! Верните моего ребенка! Верните-е-е-е-е!

Теперь это уже больше напоминало вой смертельно раненой волчицы, от которого всех пробрало так, что волосы зашевелились.

– Вот же, прости, Господи, все не унимается! – сокрушенно покачала головой санитарка, сочувственно глядя на перепуганную медсестру.

– Да уж! Столько лет тут работаю. Ну, всяко бывало. Много чего повидала. И чужих воровать пытались и своих бросали, через окна ночами выбирались, чего только не вытворяли. Но чтобы так! Представляешь, орет, что ребенок не жи-

вой вообще! Вроде как ее дочку украли какие-то существа, а на ее место подкинули чудище, которое только кажется живым.

– Страх господень! Совсем с ума посходила молодежь! Наркоманка она, что ли? – снова перекрестилась санитарка.

Обе женщины проследили, как в палату быстро вошли врач и дежурная медсестра. За этим вместе с ними испуганно наблюдали и случайные роженицы, по разным причинам оказавшиеся в такой час в коридоре. Они любопытно прислушивались к разговору двух работниц роддома.

– Да нет же! Анализы ей делали уже все. Не наркоманка, не алкоголичка. Благополучная семья. Первый долгожданный ребенок. Правда, у них естественным путем не получилось, так они через ЭКО добились наконец. И вот ты посмотри, что творится! Муж бедный, как услышал ее крики – плакал в приемном, как ребенок. Уговаривать пытался, умолял, чтобы приняла, кормила. Она ни в какую. Послеродовая депрессия, но очень тяжелый случай! – с важным видом поставила диагноз детская сестра.

В палате сначала был слышен низкий увещающий голос врача, потом возня и снова крики, но постепенно они стали стихать.

– Опять ей успокоительное укололи, – сообщила она санитарке.

– Как же их выписывать-то будут? – покачала головой уборщица и заглянула в сморщенное личико младенца. – Вроде дите как дите. Что ей не нравится?

– Проблема не в ребенке, а у мамыши вот тут! – сестра свободной рукой постучала себя по лбу. – Не знаю, как там дальше будет, но Всеволод Николаевич сказал, завтра выпишет. Физически и мамаша-психичка, и девочка здоровы. Так что нечего им тут оставаться и рожениц пугать криками и истериками. Пусть ее муж там дальше к специалистам определяет. Оно уже не наше дело!

– Не наше, конечно. Но как бы чего эта ненормальная над дитем не учудила. Жалко будет. Вроде, симпатичная девчушка и здоровенькая. Лучше бы отказались и оставили. На таких маленьких быстро усыновители находятся.

– Не-е-е-ет! У нее муж ни в какую! Он же тоже этого ребенка столько лет ждал. Да разберутся, думаю. Они не бедные! Наймет одну няньку для малышки, другую для жены сбрендившей. А там со временем, может, все и устаканится.

– Да дай бог... дай бог!

– Ну что, сиротинка, пойдем из рожка есть? – посмотрела сестра на тихо попискивающую девочку, лежащую на сгибе ее локтя. – Вот веришь, нет – не заорала даже как следует ни разу. Золото – не дите.

– Знает просто, что некого ей звать, – горестно отмахнулась пожилая женщина и вернулась к мытью полов.

Глава 2

Спустя несколько дней по улице практически бежала женщина с ярким цветастым детским конвертом в руках. Она была по самые глаза закутана в большой пуховый серебристо-серый платок, сильно сутулилась и постоянно воровато озиралась по сторонам. Найдя, очевидно, нужный дом, обнесенный высоким, глухим и весьма вычурным забором, она нажала пальцем на звонок рядом с калиткой и не отпустила до тех пор, пока ей не открыли.

Невысокий полноватый мужчина в цыганской яркой рубашке и жилетке внимательно осмотрел и саму женщину, и ее ношу, привычно отмечая, что хоть визитерка и старалась выглядеть неброско, но и детские вещи, и яркое одеяльце явно были куплены в валютной «Березке». Да и ее собственные туфли стоили полугодовой зарплаты обычного человека. Посетительница что-то быстро и сбивчиво зашептала ему и стала совать в руку смятую крупную купюру. Молча кивнув, мужчина впустил нервную женщину внутрь, сунув влажную от пота бумажку в карман традиционного жилета.

Пока странная дама шла за ним по двору к дому, она еще сильнее надвинула платок и буквально согнулась пополам, опуская голову в попытке спрятать лицо. Но провожатый оставался невозмутим. За годы работы здесь чего только он не перевидал.

Женщину с ее живой ношей пригласили в темную, большую, лишенную окон комнату, посреди которой стоял здоровенный круглый стол без всякой скатерти. На непокрытой столешнице, сделанной из темного и явно дорогого дерева, виднелись вырезанные предположительно магические знаки. Повсюду горели толстые темные свечи, но их неверный свет только делал мрачность общей обстановки более концентрированной. За противоположной стороной стола сидела в позе задремавшего божества женщина, возраст которой не представлялось возможным определить. На первый взгляд ей трудно было дать больше сорока. Но стоило цыганке открыть темно-карие глаза, и создавалось странное ощущение чего-то противоестественного, видимого совсем не в этой привычной шкале – времени-пространства. Посетительница буквально швырнула закутанного в конверт малыша на поверхность стола.

– Верните моего ребенка, – требование-мольба, произнесенное на одном дыхании.

– И тебе здравствуй, золотая моя, – невозмутимо проворковала хозяйка кабинета, при этом не меняя позы и лишь вскользь глянув на дитя.

– Заберите это... давайте куда хотите, а мне верните мою девочку, – голос женщины стал почти истерическим, и она сдернула с головы платок, совершенно игнорируя вежливость цыганки. – Мне сказали, вы настоящая колдунья, а не эти... из объявлений на столбах.

– Кто сказал? – тут же исчезли мягкость и заискивающие интонации.

– Не... не важно, – посетительница заметалась из угла в угол. – У меня есть деньги. Много. Если не хватит – достану еще! Только верните мою дочку. Вы ведь все можете!

Губы хозяйки поджались, делая выражение ее лица жестким.

– Никто не может всего. А те, кто тебе наболтал всякой ерунды, идиоты! Забирай своего ребенка и уходи! – голос цыганки стал ледяным ветром.

Женщина рухнула на колени прямо там, где стояла, и поползла к столу, протягивая трясущиеся руки.

– Пожалуйста-пжалуйста! – взывала она, как раненое животное. – Верните мою девочку, я все для вас сделаю! Все, что только может понадобиться. Умоляю-у-у!!!

Цыганка с каменным лицом смотрела некоторое время на заходящуюся в надрывном плаче женщину на полу. Та от громких рыданий перешла уже к невнятным мольбам и причитаниям. Так и не поднимаясь с колен, она обхватила себя за плечи и стала монотонно покачиваться, утопая в своем горе.

– Покажи! – наконец властно приказала называвшая себя колдуньей, кивнув на малышку.

Женщина вскочила и метнулась к конверту, доставая младенца трясущимися руками и стремительно укладывая, едва не бросая, на стол с магическими знаками.

– Я сказала показать ребенка, а не его одежду, – раздраженно рыкнула колдунья.

Визитерша замерла и тяжело сглотнула.

– Я не хочу прикасаться к этому, – с отвращением произнесла она.

– А говоришь, что сделаешь что угодно, – фыркнула цыганка и отвернулась, будто совершенно теряя интерес.

Женщина, громко сопя, принялась раздевать малютку грубыми, дергаными движениями. Вскоре та уже лежала обнаженной, не издавая ни звука, и только моргала глазенками, словно изучая незнакомую обстановку и нового человека. Даже обычных хаотичных движений ручками и ножками она не совершала.

Цыганка порывисто встала и наклонилась над девочкой, тщательно изучая каждый сантиметр крошечного тельца. Малышка не возмущалась такому обращению, а только тихо покряхтывала. Закончив осмотр, колдунья нахмурилась и надолго задумалась.

– Я не могу вернуть твоего настоящего ребенка оттуда, куда ее забрали, – наконец вынесла она приговор, и женщина мгновенно сникла и снова начала умолять.

– Замолчи! – жестко прервала ее цыганка. – Твои уговоры, слезы, деньги тут не помогут. Так же и любые силы, какими бы я ни обладала. Девочку забрали туда, откуда вернуть ее нельзя. Но у тебя есть другая возможность. Ты можешь вытянуть душу ребенка обратно в это тело. – Палец с угрожаю-

щей длины красным ногтем указал прямо в центр груди крохи на столе. — И тогда ты не только хотя бы частично вернешь себе дочь, но и порушишь все планы тем, кто ее забрал. Они не получают того, ради чего ее украли.

— Но если так, то она станет им не нужна, и, может, ее вернут? — с надеждой промямлила мать ребенка.

— Нет! — грозно рявкнула ведьма. — Ты совсем меня не слушаешь? Нельзя вернуть твою дочь назад! Если хочешь получить хоть что-то, отныне ЭТО будет твоим ребенком! Ты станешь любить ее и заботиться, как и собиралась, вынашивая свою дочь! Ты станешь делиться с ней своей энергией и этим привяжешь душу. А я помогу тебе научиться растить и усиливать связь и притяжение. Но это только в том случае, если ты готова с этого дня пренебречь собой и отдать всю себя, все силы и время на борьбу за душу своего дитя.

— Я готова, я сделаю все что угодно, я вас озолочу... — затараторила женщина.

— Да погоди ты обещать! Результата не будет ни завтра, ни через неделю, ни даже через месяц. Узнать, получилось или нет, мы сможем лишь тогда, когда твоя дочь станет обращаться из ребенка в женщину. Только когда придет ее первая кровь, ты узнаешь, получилось ли. Если придет. Но трудиться над этим тебе все равно придется каждый день и час, и это, возможно, сожжет тебя, если с той стороны твой противник окажется слишком силен и заметит раньше времени, что мы делаем. Ты меня понимаешь?

Посетительница горячо закивала и бросилась к цыганке в попытке обнять и поцеловать руки.

– Не смей! – змеей зашипела та, и женщина отшатнулась. – Никогда не касайся меня, не называй своего имени и имени ребенка, не рассказывай ни о ком из близких и никаких подробностей из жизни. Даже вскользь или случайно! Поняла?

– Поняла, – визитерша кивала безостановочно, как заведенная.

– Ты ни разу не кормила это дитя? – уточнила цыганка.

– Нет, – передернулась женщина.

– Ясно. Но после сегодняшнего ритуала будешь. И ухаживать станешь только сама. Никаких нянек, бабок, посторонних. Даже мужу не давай! – Мать кивала на каждое указание и жадно ловила слова. – Ко мне станешь ездить раз в неделю. И учти, что длиться это будет годы и может ничего не дать.

– Мне все равно. Я хочу попробовать!

– Ты могла бы просто забыть и родить другого ребенка, – ведьма изучающе смотрела на несчастную мать, словно оценивая, действительно ли та готова ко всему. – Не старуха ведь! Думаешь, ты первая, с кем такое случилось? С начала времен они берут наших детей.

– Кто они и куда берут?

– Наши предки звали их феями, фейри, трилле, нечистью, ночным народом, да сотнями имен во всех странах и народах, которые все равно не их. Только это ни о чем не говорит.

Они просто порождения совершенно другого мира, о которых мы мало что знаем, хоть и живем бок о бок всегда. Их мир и жизнь – это магия и абсолютно другие законы природы, морали и жизни.

Женщина смотрела на цыганку, явно веря и не веря сказанному.

– Но зачем им мой ребенок? Ее убьют? Принесут в жертву?

– Можно и жертвой это назвать. От нашего мира их. Не убьют точно. Но тебе лучше отныне привыкнуть это дитя считать своей дочерью, или ничего у нас не выйдет.

Женщина пристально смотрела на малышку, необычайно тихо для ребенка такого возраста лежащую на столе. Глубоко вздохнув, она осторожно, словно боясь обжечься, взяла ее на руки.

– Хорошо. Я согласна. Даже если моя дочь не вернется, то пусть и им она не достанется! – сказала она, прижимая к плечу крошечную головку.

Глава 3

Годы спустя...

– Тебе еще не надоело, Коломина? – Я вздрогнула, услышав громкий голос Регины за спиной, и мгновенно смутилась, почти до удушья.

Резко отвернувшись от окна и, пряча глаза, попыталась быстро обойти сослуживицу, но она решительно заступила мне дорогу. И с каких это пор она так осмелела?

– Сколько тебе лет, Коломина? Ведь уже тридцатник есть точно, – насмешливо спросила она. – Так сколько еще будешь вести себя, как ученица средних классов? Хотя сейчас, наверное, и они знают, как подкатить к приглянувшемуся пацану. Но только не ты, да?

Мое смущение стало просто катастрофическим, стремительно обернувшись в злость на столь хамское вторжение в личное, но я быстро привела свои чувства в норму. Никому никогда не позволяла задевать себя и теперь не собиралась. Выпрямила спину и вскинула голову.

– Что-то я не пойму, о чем ты? – Вернув на лицо маску вечного равнодушия, посмотрела блондинистой нахалке прямо в лицо. Обычно этого хватало, чтобы все отвалили с моего пути.

Она пару секунд выдерживала мой леденящий взгляд, но потом явно сдалась и отвела глаза в сторону. Но все равно

не отстала.

– Все ты понимаешь! Ты запала на кого-то из мужиков в этом новом агентстве напротив, и в офисе это уже все знают. И даже делают ставки на некоторых из них. Лично я ставлю на того рыжего здоровяка, а вот Маринка утверждает, что это блондинистый красавчик, что ездит на темно-синей бэхе. Не хочешь сказать, кто прав, и дать мне выиграть? Я ведь знаю, что это рыжий. Я бы и сама на него повелась, но, боюсь, мой муж не поймет, – и она рассмеялась так, словно и правда сказала что-то необыкновенно забавное.

Черт возьми, неужели им нечем заняться на работе, кроме того чтобы следить за другими и строить бредовые предположения относительно их жизней? Никогда этого не понимала, как, впрочем, и не интересовалась, чем живут и дышат окружающие. Раньше мне было абсолютно наплевать на эту бесцеремонную манеру большинства людей совать нос в чужие дела. Сейчас же это стало еще одним источником периодически накатывающего нового чувства – раздражения.

– Интересно узнать, почему вообще возникла подобная тема? – Нет, мне не было интересно. Это бесило и задевало. Но доставлять окружающим с Региной во главе такое роскошное развлечение, как демонстрация собственных эмоций, я уж точно не собиралась.

– Тоже мне секретик! Ты торчишь у этого окна каждый день, в любую свободную минуту последние три месяца. С того самого момента, как открылся этот «Темный страж» на-

против, и тут начали крутиться все эти brutальные мужики, – лицо Регины исказила ехидная наигранная ухмылочка из разряда «да ладно, я же все понимаю!»

– Что же, в таком случае придется вас всех разочаровать, – ответила я ей четко выверенной за годы практики вымораживающей нутро улыбкой. – Я даже не представляю, о ком ты говоришь. Мой окулист прописал мне упражнения для глаз, и для этого нужно смотреть вдаль. Так что, боюсь, проиграли вы все!

Отстранив блондинку с дороги, пошла в сторону туалетов, стараясь не двигаться слишком быстро и не выдать своего желания как можно скорее избавиться от раздражающего общества.

– Думаю, ты врешь! – фыркнула мне вслед Регина. – Ты точно запала на одного из этих красавчиков и пялишься тут, пуская слюну! Только знаешь что? Никто из них на такую, как ты, не поведется. На тебя вообще ни один мужик нормальный и в своем уме не поведется! У тебя же на лбу написано, что ты фригидное бревно!

Что за чрезмерная реакция на мой игнор у этой Регины?

– Знаешь, как тебя парни из охраны зовут? Рыба помороженная!

Было секундное желание озвучить ей, как называют саму Регину и ее ближайшую подружку те же охранники, но, к сожалению, матом я не ругаюсь, а приличный аналог, выражающий смысл в полной степени, подобрать лень. Поэтому

я просто забила — это не стоит нервов и мозговых усилий. Понятия не имею, почему моя личность каким-то образом столь раздражала эту даму, но и собственную досаду продемонстрировать ей не намерена. Я медленно и аккуратно закрыла за собой дверь туалета, хотя хотелось шарахнуть ею так, чтобы стены задрожали. Что-то стало твориться со мной в последнее время. Мои эмоции и настроение совершали странные непредсказуемые скачки и все сложнее поддавались полному контролю. И это совершенно непохоже на меня. Насмешки и упреки в излишней холодности и высокомерности мне случалось слышать всегда. И они давно уже не задевали. Просто я не видела собственной вины в том, что люди вокруг не вызывали у меня чувства симпатии и желания стать ближе. Я не скрытная, просто никогда не имела желания триндеть о себе без умолку и в ответ выслушивать то же самое от других. Не понимаю, почему кому-то могут быть интересны значительные и не очень события чужой жизни. И не высокомерная, а элементарно не вижу причины впускать кого-то в свое размеренное, налаженное существование. Ведь это, наверное, нужно делать, когда ты чувствуешь необходимость быть с кем-то откровеннее, ближе, а ее у меня не было никогда.

В моей жизни и так есть все, что мне нужно. Ни убавить, ни прибавить. И так было очень давно... всегда. Но почему-то в последний год все стало меняться. Что-то происходило со мной или даже во мне. Объяснить, что или ухва-

тить суть происходящего, осмыслить, придать ему привычную для моего разума четкую, понятную форму, мне никак не удавалось. Ночами появились сны... странные, иногда страшные, безумно яркие, но вспомнить ни единой подробности поутру я не могла. Оставалось лишь долгое тоскливое послевкусие, ощущение длящейся утраты. Да и днем то и дело накрывало какое-то смутное беспокойство. Так, словно живой механизм, всю жизнь мерно и без сбоев отстукивавший мгновения моей жизни, вдруг то и дело стал сбиваться, замирать, а потом срываться, догоняя и компенсируя прежний темп или даже обгоняя его. Все вокруг то становилось будто призрачным и заторможенным, будто погруженным в густой полупрозрачный сироп, то вдруг ослепляло режущей глаза отчетливостью каждой мельчайшей детали, шокируя новыми гранями. Понять, почему так происходило и отчего некоторые вещи, которые абсолютно не привлекали моего внимания раньше, неожиданно стали его приковывать, я не могла. Мимолетные запахи, отголоски мелодий, обрывки фраз... и даже не сами слова в них, а те эмоции, с которыми их произносили люди – все это заставляло меня зависнуть и прислушаться к странному эху внутри.

А три месяца назад все вообще изменилось настолько, что сейчас я уже почти не могла вспомнить, как было раньше. Конечно, я солгала Регине об окулисте, но не в том, что ни один из тех мужчин, которых она перечислила, не привлек моего внимания. Я действительно едва могла вспомнить, кто

они, если бы не случилось видеть их рядом с Ним. И сегодня из-за наглого вторжения Регины я даже мельком не увижу Его. Не зацеплюсь взглядом за разворот широченных плеч и мощную, можно даже сказать, грубовато сколоченную фигуру, на которой строгий пиджак смотрелся неуместно и почти нелепо. Не сожму кулаки, скользнув глазами по короткому ежику темных, жестких на вид волос. Глупый комок плоти в груди не заколотится при виде резких черт его обветренного темного лица и глубокого уродливого шрама, идущего из-под левого глаза через щеку до подбородка. Хотя о чем я? Сердце и сейчас уже грохочет, при одном лишь воспоминании, как он всегда выходит из дверей конторы и, сдержанно кивая знакомым, быстро идет к своей машине, садится и уезжает. Совершенно не имея представления, что одна великовозрастная идиотка стоит, прижавшись пылающим лбом к прохладе стекла, и ловит его каждое движение и мимолетную гримасу вечно озабоченно нахмуренного лица. Его «ауди» исчезает, увозя, наверняка, к женщине, которая ждет в уютном доме с вкусным ужином. А может, и к детям, которые радостно бросаются Ему навстречу, обнимая. Ведь Он явно не мальчишка, так что у него, скорее всего, есть дети. И тогда с Его лица исчезает эта извечная хмурость, и он им улыбается... Господи, как бы я хотела увидеть, как Он улыбается! От этого желания каждый раз где-то в груди появлялась тянущая горькая боль. А я так и оставалась сначала стоять одна у окна, потом шла одна домой и закрывалась в

своей квартире, чтобы поужинать, посмотреть телевизор и вовремя лечь спать. Одной. А потом еще долго вертеться с боку на бок, думая, как может ощущаться тепло такого сильного мужского тела в моей постели? Он ведь такой крупный и наверняка занял бы большую часть моего раскладного дивана, и нам бы пришлось тесно прижиматься друг к другу всю ночь. Нет, я не наивная девственница, и у меня были любовники. Они появлялись в моей жизни, как и положено, постепенно: сначала встреча, всегда на работе, потому что, собственно, больше нигде. Потом совместные походы в кино, рестораны, выставки. Поцелуй, объятие, ужин в интимной обстановке. Секс. Никаких взрывов и потери контроля от дикой страсти. Это вообще казалось мне какой-то выдумкой чрезмерно экзальтированных авторов и сценаристов. Потом встречи – обычные, ровные, без постоянных взглядов на часы и ерзания от нетерпения. Да, я знала, как это – уснуть и проснуться в чьих-то объятиях. Но почему-то постоянно посещала дурацкая мысль, что Он бы рядом ощущался совершенно иначе, нежели любой из моих немногочисленных мужчин. Он просто не мог не быть абсолютно другим. Я качала в темноте головой, мысленно упрекая себя в этих изводящих разум чувствах, и старалась уснуть, сказав себе, что все равно никогда не узнаю, каково это – быть с Ним.

А еще бывали дни особой удачи или же пытки – я никак не могла определиться. Выходя из офиса, я видела Его на улице. И меня как оторопь брала от того, что он был не там,

за стеклом, внизу, а буквально через улицу в каком-то десятке метров от меня. Он, как обычно, шел к машине, погруженный в свои мысли, а я не могла отмереть и начать дышать, пока он не уезжал. Стояла, как прибитая к месту, и не могла отвести глаз. Потом приходила в себя и кляла последними словами. Я, взрослая женщина, стою посреди улицы и пялюсь, как влюбленная малолетняя фанатка на своего кумира, на мужчину, который знать не знает о моем существовании и никогда не узнает. И никогда не вспомнит, как мы практически столкнулись лицом к лицу в тот самый первый день. На самом деле, от его грубых, агрессивных черт, глубоко посаженных серых глаз и этого кошмарного шрама, уродующего пол-лица, я в первый момент как заледенела. Сразу подумалось, где в наше время можно приобрести такой странный, глубоко въевшийся загар и подобное украшение на лице. Да уж, красавчиком этого огромного мужчину назвать было очень трудно. Скорее уж, пугающим, каким-то диковатым, словно он был не из этого времени, что ли. И это по меньшей мере. Он и тогда прошел, не замечая меня, хмурый и погруженный в свои мысли, а я осталась стоять и, моргая, смотреть ему вслед. С того дня и началось мое наваждение.

Глава 4

Вернувшись в свой кабинет, я еще несколько минут перекладывала предметы на столе с места на место, унимая не желавшую уходить досаду. Она была абсолютно иррациональной, совсем не соответствовавшей ни моему характеру, ни самой ситуации. Так не может продолжаться и дальше. Я не могу себе позволить вот так терять самообладание только потому, что не получилось мельком увидеть совершенно незнакомого мужчину. К чему это приведет? Я стану однажды орать, как базарная торговка, и даже брошусь с кулаками на того, кто помешает мне еще раз увидеть его? А ведь Регина с ее стервозностью теперь наверняка будет следить за мной от нечего делать. А значит, провоцировать мой гнев снова и снова. Нет, не пойдет. Надо как-то это прекратить. Может, все дело в том, что у меня не было отношений уже больше полугода, и мои гормоны устраивают бардак в обычно стройных и организованных мыслях? Я не подросток, конечно, но воздержание никому на пользу не идет. Хотя не могу припомнить, чтобы в юности меня интересовало что-то, кроме учебы и чтения. Все школьные любовные страсти и трагедии проходили как-то мимо меня. Я была слишком невзрачной, серенькой, причем настолько, что меня не трогали, даже чтобы гнобить, как было с другими непопулярными ребятами. Просто никто не замечал меня, а я в ответ тоже

никого. Ни тайных влюбленностей, о которых часто пишут и болтают, ни вздохов украдкой, ни грез о поцелуях перед сном. Зато посмотрите на меня теперь!

Мой последний парень, Олег, ушел без скандала, после одного из наших ужинов с претензией на романтику, который заканчивался совместной ночью.

– Я ведь не нужен тебе, – грустно улыбнувшись, сказал он мне, покручивая пузатый бокал с коньяком. – Скажи, ты хоть когда-нибудь переживала, что я могу исчезнуть?

– А разве должна? Ты вроде не давал мне поводов, – ответила, не понимая, к чему этот разговор.

– Не давал. Но разве когда человек тебе дорог, не случаются приступы немотивированного волнения, не появляется страх потери? – Олег посмотрел мне в глаза, будто выискивая там что-то очень ему необходимое. Потом отвел взгляд и изогнул губы в грустной усмешке.

Я же смотрела в его привлекательное лицо с правильными, почти аристократичными чертами и впервые ощущала дискомфорт в его присутствии. Просто из-за чувства непонимания, что же не так.

– Прости, очевидно, это мне не свойственно, – пожала я плечами.

– Вот именно. А все потому, что тебе все равно, есть я в твоей жизни или нет, – тяжело вздохнув, сказал Олег.

– Не понимаю, что ты хочешь услышать? – нахмурилась я. Снова это прежде незнакомое чувство растерянности из-за

гулкового эха незнакомых эмоций, но в этот раз нет отклика, и зародившееся волнение просто оседает горечью раздражения на губах.

– Не слышать. Почувствовать. Вот здесь, – он прижал руку к груди. – Тепло. Но его нет.

– Считаешь, это моя вина? – не понимая сути претензии, я наморщила лоб.

– В том, что у тебя нет ко мне чувств таких, как у меня к тебе? Нет, это не те вещи, которыми реально управлять и можно было бы поставить в вину, – покачал головой Олег и отпил из бокала. – Но я отдаю себе отчет, что влюбляюсь в тебя все больше. А еще и привыкаю к мысли, что ты есть у меня. А это неправда. Это я у тебя есть. Только не как любимый человек, а как... некое удобство, что ли.

– Тебе не кажется, что ты драматизируешь?

– Возможно, – вздохнул он, словно смиряясь с чем-то нелегким. – Но я чувствую, что пришло время мне уйти. Не потому, что я зол на тебя, и не потому, что есть кто-то лучше. Это, скорее, мое бегство с целью сохранить себя от еще большей боли, которую ты мне обязательно причинишь. Назовем это инстинктом самосохранения.

– Что же... значит, так нужно. – Я прислушалась к себе в поисках хотя бы сожаления, но ничего не находилось.

Ни страха одиночества, ни боли потери. Только легкое неудовольствие и дискомфорт, что новые отношения опять требуют усилий и лишнего времени.

– Как же ты прекрасна и беспощадна в этом своем всеобъемлющем спокойствии, – пробормотал он у дверей моей квартиры, прощаясь навсегда. – Неужели на свете есть мужчина, который сможет добраться до твоих эмоций? Даже не знаю, завидовать ему или жалеть.

Олег провел пальцами по моей щеке и, развернувшись, быстро ушел вниз по лестнице. А я почувствовала лишь облегчение от того, что в этот раз расставание не потребовало моих нервов.

* * *

Я усилием воли остановила хаотичные движения своих рук. Так что же мне делать? Мне что, нужен психолог, чтобы разобраться с собственной, как минимум странной реакцией на абсолютно незнакомого человека? Нет, эта мысль вызвала жуткое отторжение. Не настолько же я безнадежна, чтобы не справиться со своими проблемами самой! Очевидно, мне просто нужен мужчина, чтобы прекратить этот беспорядок в голове и чувствах, и нужно получить его как можно скорее. Ждать, пока сам собой образуется новый роман, можно слишком долго. Мне не нужно ничего возвышенного или с долгосрочными обязательствами. Достаточно удобства и удовлетворения простых потребностей тела. Назовем это экстренным решением возникшей проблемы. Ведь это нормально – решать возникающие трудности любыми доступ-

ными средствами. А моральные аспекты этих вещей уже не столь важны.

Как сейчас знакомятся люди? Идут в клубы или бары и заводят случайные связи? Нет, это несколько шумно и хлопотно для меня. И к тому же не слишком безопасно и имеет все шансы на провал, если партнер, выбранный по признаку сиюминутной симпатии, совершенно не оправдывает ожиданий. Нет, это точно не мой подход в каком бы то ни было вопросе. Тогда что? Сайты знакомств? Вбила запрос и пробежалась по отзывам. Пожалуй, скорее да, чем нет. Есть возможность соблюсти дистанцию и пообщаться, ничем не рискуя.

Я зашла на первый из выскочивших сайтов. Не думаю, что они принципиально различаются, и есть лучше или хуже. Принцип работы у всех схож.

Итак, анкета. Возраст-пол-регион. Тут все понятно. Уровень желаемого дохода у будущего партнера? Это что теперь – первейший критерий? Замечательно. Что нужно писать о себе?

Профессиональный статус?

Сфера деятельности?

Опять ежемесячный доход. Очевидно, очень важная информация.

Не понимаю, зачем это все, если большинство людей наверняка или лгут, или умалчивают о себе в данных вопросах? Неужели кто-то и правда начинает поиск партнера, вы-

бирая изначально по сумме дохода? Хотя чему я удивляюсь? Это же я хочу подобрать подходящего мужчину в надежде решить свои физиологические и проистекающие из них психологические проблемы. Другие заинтересованы в стабильности, которая сейчас для многих эквивалентна достатку, и это я тоже понимаю. Остается вопрос, ищет ли кто-то в наше время любовь в чистом виде? Боже, с чего это вдруг меня такие вопросы занимать стали?

Язык. Тут прямо полное разнообразие и экзотика на выбор.

Семейное положение... мило. Выходит, состоишь ли ты на данный момент в браке, не идет в числе первых вопросов. Правильно, в наше время это не самая важна инфа. Деньги важнее. Как-то грустно, но что же поделаешь, если факт.

Дети, вероисповедание, рост, вес, телосложение, состояние здоровья, курение, алкоголь, наркотики... большую часть из этого действительно кто-то о себе откровенно пишет?

Отношение к жизни. Цель регистрации на сайте: серьезные отношения, дружба, секс, общение. Ну, хоть что-то по делу.

Загрузить фото. А нужно ли? Хотя так, пожалуй, будет быстрее и меньше неопределенности. Все же цель у меня вполне прозаичная, так чего тень на плетень наводить?

Подумав, я заполнила анкету, умолчав обо всем, о чем возможно. Еще немного поразмыслив, добавила фото. От-

правила.

Ну вот, поздравляю, Аня, и докатилась ты до поиска партнера на ночь по интернету! Наверное, если бы я была почувствительней, то стала бы рефлексировать по поводу того, что это глупо и даже унизительно. Но с другой стороны, страдать фантазиями и украдкой поглядывать на незнакомого мужика, разве не меньшая тупость и унижение? Подойти к Нему сама я не смогу... вот потому что не смогу и все! Словно на всем его теле была вывеска: «Не смотреть, не приближаться, не говорить – смертельно опасно!» Какая-то глубинная иррациональная часть меня ощущала угрозу, волнами исходящую от Него. Вот к кому угодно за это время решилась бы сама подойти и запросто, но не к Нему. Несмотря на просто патологическое притяжение, этот необъяснимый с разумной точки зрения интуитивный запрет воспринимался как аксиома, не требующая доказательств или проверки опытным путем. А значит, нужно себя просто переключить, или дальше так жить просто невозможно. Я не хочу больше стоять у того окна, вылавливая глазами мощную фигуру в ужасно сидящем пиджаке. Я хочу вернуть себя – спокойную, ту, у которой не скачет сердце бешеной белкой, а бьется всегда ровно, и не важно, кто рядом. Не позволю своим гормонам мешать собственному разуму.

Определившись с планами на будущее, я услышала звук входящего сообщения. У меня первый желающий познакомиться. Быстро, однако. Но это и к лучшему.

Глава 5

Спустя месяц и пять совершенно неудачных свиданий, я поймала себя опять затормозившей у проклятого окна в офисе. Что же, поиск любовника в сети пока не принес никаких результатов, зато меня просто завалили сообщениями, очевидно, не слишком психически нормальные люди обоих полов. Предложения вирта, фото обнаженных тел, а часто исключительно определенных частей тела, видео с мастурбацией сыпались ежедневно как из рога изобилия. Я, скорее всего, уже безумно устарела, ибо для меня не кажется нормальным посылать вместо «здравствуйте» незнакомому человеку фото члена или то, как ты себя ублажаешь. Понимаю, что и я на этот сайт пришла не друга для томного чаепития найти, но, однако же. Или я просто ханжа? Но если мужчина шлет мне видео с ручной работой над собой, то зачем ему вообще женщина? Он же и так неплохо справляется. Создалось впечатление, что две трети всех, кто пишет, нисколько не заинтересованы в реальных встречах, и заэкранные развлечения на расстоянии им ближе к телу. Да, я точно чего-то не понимаю. Хотя и те, кого я сочла перспективными для встречи, стали сплошным разочарованием. Причем разочаровалась я именно в себе. Я и раньше-то никогда не обладала даром серьезно увлекаться, вспыхивать, терять способность реально смотреть на вещи, предпочитая ровные, стандартно

развивающиеся отношения «по правилам». И, как ни странно, двое из пятерых мужчин, с кем я встретилась, показались бы прежде вполне пригодными для именно такого развития сценария. Привлекательные, утонченные, ненавязчивые. Интересные собеседники и не распускающие руки раньше времени. Согласные продвигаться достаточно медленно, соблюдая все условности, не форсируя событий. Но никакого желания увидеться еще так и не возникло. Может, это потому, что мне сейчас требовалось как раз больше решительности от мужчины, чтобы избавиться от все жестче скручивающегося напряжения, но мои собственные, раз и навсегда установленные рамки не давали мне сделать хоть полшага навстречу. Черт, никогда мне не казалось, что я полна заморочек, вредящих мне же, однако факты и реальное положение вещей говорят о противоположном.

И вот я стою опять у проклятого окна, будто оно заколдовано, и пытаюсь убедить себя, что в порядке. Нет, несколько не в порядке, если внутри все обмирает каждый раз, когда в офисе напротив открывается дверь. Сердце совершает самоубийственный кувырок – а вдруг Он? Какая же на самом деле ты, Аня, жалкая! Почему не могу просто перейти через улицу и найти повод познакомиться? Получу, к примеру, отказ, оскорблюсь до глубины души и остыну. Или у нас все будет, и я смогу наконец разочароваться, потому что Он окажется обычным, таким же, как все. Просто мужчина из плоти и крови, ничего сверхъестественного. Может, грубый, рыгает

за столом, или у него пахнет изо рта, или двух слов связать не может, да и в постели полное ничтожество. Или почему бы ему не попасться мне на глаза с женщиной, довольным и счастливым, и я выдохну, потому что получу окончательное подтверждение тому, что Он принадлежит другой, и моим не будет даже на краткое мгновение. Хотя, когда смотришь на Него, просто невозможно себе представить, что Он может кому-то принадлежать. Скорее, совершенно наоборот. Он может присвоить и владеть всем и всеми, чего только пожелает, оставаясь свободным, царящим где-то недостижимо высоко.

Боже, ну вот опять я позволяю происходить с собой этому кошмару! Не буду я тут стоять! Не буду ждать! Не буду искать взглядом! К черту!

Взглянув в последний раз, я развернулась и пошла к своим графикам и таблицам. Вот это реально, упорядочено и комфортно! А все остальное – натуральный бардак и издевательство над собой. А я терпеть не могу подобного!

Глава 6

– Что, думала остаться безнаказанной, мерзкая ведьма? – огромный рыжий детина не спеша вытер окровавленный клинок о пеструю рубашку недвижимо лежащего у его ног полноватого человека.

– Нет. Наоборот, ждала вас пораньше. Что, в пути заблудились? – На лице пожилой женщины не дрогнул ни единый мускул, и она так и осталась неподвижно сидеть, словно была не живым человеком, а вырезанной из камня языческой скульптурой.

– Встань и пади ниц перед самым архонтом Приграничья и деспотом Великих Вараанских болот! – угрожающе зарычал рыжий громила, когда в освещенную свечами комнату вошел мрачный громадный мужчина, одетый в ослепительно белую свободную рубаху и обыкновенные черные джинсы. Он окинул все вокруг презрительным взглядом, чуть задержавшись на каких-то знаках, тщательно нанесенных мерцающей краской на полу и буквально преграждавших путь к спокойно сидящей женщине.

– Смешно, – криво ухмыльнулся он. – Ты настолько наивна, колдунья, чтобы верить в то, что кельтская мазня станет нам помехой, или это просто декорация для одурачивая доверчивых людишек? А может, ты надеялась, что нас, будто жалких москитов, отпугнет вонь от тех трав, которыми ты

окуриваешь свой убогий сарай?

Голос этого пришельца был глубоким, низким и пугающе-завораживающим, наполненным самой темной властью, той, что даже не подразумевает чьего-либо желания противоречить. Каждый его звук будто вступал в странное резонирующее взаимодействие со всем вокруг, словно даже предметы прислушивались к нему, готовясь подчиняться.

Женщина не удостоила ни ответом, ни взглядом обоих вторгшихся в ее дом мужчин. Она глядела прямо перед собой, хотя из-за чуть прикрытых век казалось, что, скорее уж, внутрь себя.

– На колени и отвечай, вредоносная тварь! – оглушительно рывкнул рыжий и угрожающе шагнул к хозяйке дома, но замер, едва только второй пришелец мимолетом недовольно посмотрел на него.

– Прости, деспот! – пробормотал он, почтительно склоняясь.

– С какой стати мне держать ответ и падать на колени перед нечистью, какими бы титулами она себя ни одаривала? – наконец отозвалась женщина, и в ее голосе было достаточно ледяного пренебрежения, чтобы утопить в нем всю округу.

– Да как смеешь, ведьма проклятая! – рыжий едва не подавился собственным шипением, но еле заметное движение руки того, кого он назвал архонтом, снова заставило его замолкнуть.

– Ведьма, наши законы, которым уже тысячи лет, одно-

значно повелевают мне и каждому честному подданному Закатного государства умерщвлять любую из вас, где, когда и в каком бы облики мы вас ни встретили. И я, безусловно, так и поступлю, ибо каждая из вас оскорбляет мироздание самым фактом своего отвратительного существования. И ты в моих глазах заслуживаешь смерти даже более кого бы то ни было, так как от твоих подлых чар я пострадал лично.

Мужчина говорил медленно и вроде спокойно, но при этом каждое его слово ощущалось тяжелым камнем, который он прицельно и без грамма жалости бросал в колдунью. Однако та держалась по-прежнему невозмутимо.

– Странно слышать об ущербе и страдании от существ, с начала времен причиняющих лишь вред и боль любому человеку, кто имеет несчастье с вами столкнуться или у кого окажется необходимое вам! Вы всегда приходите и берете что вздумается, убиваете без жалости и раздумий, крадете самое дорогое и остаетесь глухи к слезам и мучениям тех, кого ограбили.

– Мы не грабим, а лишь берем то, что должен ваш мир нашему. Это хрупкое равновесие необходимо всем. Хотя никто из вас, людишек, не способен охватить это вашими жалкими ограниченными мозгами.

– Подлая ложь! Как и все то, что изливается из ваших ртов, нечестивые порождения сумерек! Вы и только вы нуждаетесь в том, что крадете из нашего мира! Иначе все вы просто выродитесь и передохнете!

– Закрой рот, тварь! – Раздражение деспота было как ослепительная вспышка, мгновенная и ужасающая и при этом выдающая, что, может, слова ведьмы и не слишком далеки от истины. Но, как с любой вспышкой, след ее исчез так же быстро, как и проявился. – Мне совершенно наплевать, чем ты оправдываешь свои преступления, как и на то, что кто-то из вас оплакивает отобранное, никогда им на самом деле и не принадлежавшее. Ты умрешь – это факт. Но я могу даровать тебе легкую смерть или нет. Я знаю, что ты скажешь мне, где скрывается голем, в которого ты все эти годы перетягивала душу из нашего мира. Но только от тебя зависит, скажешь ты это сейчас и отправишься в бездну тьмы, где тебе и место, или же мы пойдем долгим и хлопотным путем пыток и убийств.

– Больше не голем, нечисть, нет! – опровергла колдунья, впрочем, без особых эмоций. – Не тешь себя иллюзией. Я вас переиграла, и теперь она – человек!

– Она – то, чем я ее сочту нужным считать! – отрезал мужчина. – Ты готова сказать мне где?

– Даже не мечтай! – Цыганка снова прикрыла глаза, как будто была смертельно утомлена бессмысленной беседой.

– Ну что же. Твой выбор. Для начала я велю своим стражам на твоих глазах пытаться и насиловать всех твоих близких, а потом будут резать тебя кусочек за кусочком. Поверь, у них в этих делах огромный опыт, – почти так же безэмоционально, как хозяйка дома, отозвался пришелец.

– Даже не сомневаюсь, что в деле пыток, насилия и жестоких убийств вам не найдется равных, – женщина усмехнулась, и это была первая гримаса, которую она себе позволила. – Да только вот беда: Алексей, которого зарезал твой прихвостень, и был моей единственной семьей и близким человеком. Я ведьма и прекрасно знала, с каким риском связано мое ремесло. Поэтому у меня нет детей, друзей и даже родня уже вся отошла в мир иной. Так что все свое мастерство твоим извергам придется на мне показывать. Но какими бы непревзойденными душегубами и извергами они ни были, ничего от меня ты не узнаешь!

– Не будь так уверена, ведьма! Может, смерти ты и не боишься, но вот страданий, которые могут длиться днями и неделями, точно не выдержишь.

– Конечно, не выдержу! Да толку-то? Я знала, на что иду, вступая в противостояние с вашей омерзительной магией. Поэтому все предусмотрела. Я никогда не касалась ребенка или его матери. Я не знаю ни единой буквы из их имен или имен их близких. Я ни разу не видела ни их машин, ни домов, не знаю ни единой подробности из жизни. Все ритуалы проводила сама мать под моим руководством, поэтому магией я тоже никак с девчонкой не связана.

– Ты просто лжешь!

– О не-е-е-т! – покачала головой женщина и посмотрела в глаза своему обвинителю открыто и без тени страха. – Ложь – это целиком и полностью ваша вотчина, нечисть! Скажи

своим псам приступить. Чего уж затягивать. Хочу побыстрее перед смертью взглянуть в твою разочарованную рожу, когда ты поймешь, что остался ни с чем.

Мужчина пересек линию начертанных на полу знаков, и они моментально вспыхнули и с шипением потухли. Он навис над ведьмой и долго всматривался в ее глаза, горящие насмешливым торжеством. Затем он сгорбился и ударил огромными кулачищами по столу с магически вырезанными символами, и толстенная столешница пошла трещинами, разваливаясь. Запрокинув голову, он взревел так страшно и громоподобно, что, казалось, дому просто не устоять. Жуткий вибрирующий звук медленно угасал, и вскоре все, что слышалось в комнате – это дыхание троих присутствующих.

– Уничтожить тут все, – сказал мужчина рыжему детине, и тот с готовностью поклонился. – Сжечь ведьму. Я хочу, чтобы горела она медленно и до последнего была в сознании. Проследи!

Бросив это, он покинул дом, даже не оглянувшись на приговоренную им к мучительной смерти пожилую женщину.

Глава 7

Кофеварка издала странный трещащий звук и умерла. Черт, похоже, день начинался не слишком удачно. Вздыхнув, я попробовала сварить нужную дозу бодрящего напитка в давно не используемой маминой турке, но, задумавшись, прозевала нужный момент, и мой кофе оказался где угодно, но не в моей чашке. Обидно. Ну, ладно, в конце концов, кофейный автомат есть на первом этаже офисного здания, так что еще не все потеряно. Пока спешно оттирала плиту, обожгла руку. Заклеив ожог, взглянула на часы и поняла, что почти опаздываю. Ну, еще этого не хватало! Никогда за мной подобного не водилось. Дальше день решил, очевидно, по полной подтвердить мое первое о нем впечатление. Машина завелась только с третьей попытки, пробки были просто катастрофическими, и почти у самого офисного здания меня так подрезал какой-то мажор на дорожке, почти лежащей брюхом на асфальте тачке, что я остановилась, с полминуты справляясь с испугом, пока сзади не начали нетерпеливо сигналить. Выбираясь из машины, я почувствовала неприятное давление в пояснице, медленно стекающее в низ живота, предвестник этих самых дней. Как всегда при мысли о месячных пришло воспоминание о маминых похоронах, том самом кошмарном для меня дне, апофеозом которого и стал приход первого цикла, сопровождавшийся ужасной болью.

С тех пор мало что изменилось, и эти три дня для меня – настоящее испытание на прочность терпения и заодно время печальных воспоминаний.

Проходя мимо охранников, я зачем-то оглянулась и нагнулась на сальные взгляды, от которых передернуло. Да, я всегда знала, что эти озабоченные пялятся и обсуждают всех сколько-нибудь привлекательных женщин, просто потому что им безумно скучно торчать на одном месте день-деньской. Раньше было безразлично, но сегодня похотливое выражение их глаз, приклеившихся к моим груди и заднице неожиданно заставило вскипеть. Я сжала кулаки, только чтобы не закричать им прекратить лапать меня своими зенками. Войдя в лифт, отругала себя. Да что, черт возьми, со мной такое?

Едва успев вбежать последней в кабинет Владимира, застала весь наш отдел в полном составе.

– Всем добрый день! – засиял улыбкой наш исполнительный директор, разваливаясь в своем дорожном кресле. – Сегодня у меня для вас новость, хотя, думаю, не слишком неожиданная. Как вы все в курсе, руководитель вашего отдела Ольга Петровна на этой неделе выходит на пенсию. А значит, встал вопрос о том, что кто-то должен занять ее место.

Я выпрямилась в кресле, ожидая услышать свое имя. Нет, я не самонадеянна, просто знаю, что заслуживаю этого повышения, потому что, собственно, в одиночку практически тащу на себе этот отдел, пока наши остальные дамы больше

занимаются обсуждениями чужой личной жизни, флиртом и изредка документацией.

– Впрочем, особых сомнений в том, кто заслуживает этого повышения, у меня не возникло, – Владимир стряхнул несуществующую пылинку со своего стильного костюма от известного дизайнера, а я взглядом случайно наткнулась на отчего-то злорадно улыбающуюся Регину, которая сверлила во мне дыры глазами. Что не так с этой женщиной и ее неадекватной реакцией на меня?

– Итак, позвольте вам представить в новом качестве вашу сослуживицу, которую вы и так все прекрасно знаете. Светлана Васильевна Верей – ваш новый руководитель!

Я медленно повернулась к поднявшейся роскошной блондинке, просто не веря своим ушам и игнорируя засиявшую злобным торжеством Регину. Как такое возможно? Эта бестолочь ни единого дня не проработала, чтобы не прийти ко мне раз сто, канюча помочь и практически сделать за нее всю работу! Я шокированно уставилась на Владимира. Он же старательно избегал моего взгляда, наблюдая за вялыми и даже недоуменными поздравлениями коллег в адрес раздувшейся от довольства Светочки. Некоторые растерянно поглядывали на меня, а я изо всех сил старалась сдержаться и никак не выдать нарастающий внутри удушающий ком гнева.

– На данный момент все свободны. Работаем в обычном режиме, – царским жестом отпустил всех Владимир. – Анна Викторовна, задержитесь! – окликнул он меня у двери.

Когда я остановилась, шагавшая модельной походкой Светочка тоже затормозила, а ее извечная подружка Регина застряла в дверях, прислушиваясь, как гончая.

– Светлана Васильевна, я вас не задерживаю, – напомнил ей Владимир и глянул на Регину: – А остальных тем более!

– Но, Владимир Валентинович... – недовольным голосом проямлила моя новая руководительница.

– Идите, дорогуша, – почти небрежно отмахнулся Владимир. – Нам с Анной Викторовной нужно обсудить рабочие моменты.

Я внутренне усмехнулась. Ну, конечно, как повышение – так для пустоголовой Светочки, а как реальная работа – тут сразу ко мне.

Светочка полоснула по мне злобным взглядом и, вздернув подбородок, снова зашагала к дверям.

Я стояла у длинного стола и смотрела на его идеально гладкую поверхность, справляясь с обидой и злостью, что никак не хотели оседать.

– Ань, присядь, – голос Владимира изменился, став из начальственного обычным и даже слегка усталым.

– У тебя что-то срочное ко мне, Вова? – прочистив горло, ответила я. – Если нет, я пойду. Некоторым ведь нужно еще и работать.

Глава 8

Я тут же отвесила себе мысленный подзатыльник. С какой стати я позволяю прорваться своему недовольству наружу? Да, мы работаем с Владимиром бок о бок уже почти шесть лет, и я та, с кем он советуется чаще всего, и до этого дня мне казалось, что между нами если не дружеские, то чуть больше чем прекрасные профессиональные взаимоотношения. Но, очевидно, я слегка попутала и забылась, что он директор и основной учредитель, и мой работодатель, а я всего лишь наемный работник.

– Присядь. Кофе будешь? – Владимир проигнорировал мою колкость, и я заставила себя опуститься на стул в дальнем от него конце стола. – Я не идиот и понимаю, что задолжал тебе объяснения.

Дорогая кофемашина стояла непосредственно в кабинете Владимира, это была его блажь. Он почему-то всегда сам предпочитал варить всем кофе, пусть даже для этого и нужно было всего лишь нажать пару кнопок на блестящем нержавеющей корпусе.

– Ань, я знаю, о чем ты сейчас думаешь, – сказал он, ставя передо мной чашку ароматного напитка.

– И о чем же? – Я смотрела на еще не остановившееся вращение темной жидкости.

– Что я козел и поступил несправедливо по отношению

к тебе.

– Нет, так я не думаю. Ты владелец нашей конторы, и тебе решать, кого назначать на руководящие должности, как, впрочем, и расхлебывать последствия этих назначений. – Как я ни старалась, но мой голос прозвучал с изрядной долей стервозной обиды. Стыдно, Ань!

– Я совладелец, – с нажимом поправил меня Владимир. – И, между прочим, сегодняшнее смехотворное назначение Светочки – прямое следствие твоей недалёковидности.

– Что? О чем ты вообще?

– О том, что когда на корпоративе к тебе подкатывает совладелец фирмы, в которой ты работаешь, нужно не носом крутить, а соглашаться на все, что предлагают! – раздраженно взмахнул рукой Владимир, задевая костяшками мою чашку, отчего часть кофе оказалась на блюде, распolzаясь некрасивой лужицей. – Черт!

– Вова, ты о чем вообще? Владиславу Андреевичу уже под пятьдесят! – нахмурилась я, вспомнив пьяные приставашки совладельца фирмы, который, собственно, появлялся только на корпоративах и при подписании договоров.

– И что? – хмуро вперился в меня взглядом Владимир.

– В принципе, может, и ничего, но он, так-то, женат! – привела я аргумент, являвшийся для меня в принципе железобетонным.

Для меня, но, очевидно, не для моего директора.

– И? – мужчина наморщил лоб еще больше, уставившись

на меня, как на действительно тормозящее создание. — Он тебя не замуж звал, а предлагал приятное совместное времяпрепровождение! В чем, на хрен, проблема?

— Прости, но я в такие игры не играю! — Я сжала челюсти. Вот не знаю почему, сама не профи в создании отношений, хоть и лет мне вроде немало, и повидала всего, но факт супружеской измены вызывал у меня не просто отторжение и гнев... Это воспринималось как абсолютно неестественная вещь в мире, самое отвратительное из возможных проявлений человеческой натуры. Каждый раз, сталкиваясь с этим, я словно испытывала острую аллергическую реакцию, и поборошь ее, судя по всему, мне уже не судьба.

— Ну и дура! А другие вот ничего, играют, не брезгают ни возрастом, ни семейным положением! И поэтому эта пустоголовая курица Светочка теперь твой начальник, а ты будешь пахать и за нее, и за себя, и за этих ее стервозин подружек! Довольна? — Владимир горячился все больше. Явно его такое положение вещей тоже изрядно бесило. — И я тоже буду вынужден терпеть на совещаниях вяканье идиотки, все таланты которой только в том и состоят, что она сосет по первому требованию и белья не носит, вместо того чтобы общаться с тобой в нормальном деловом режиме. Гордость того стоила?

— Да при чем тут гордость? — тоже уже не сдержалась я. — Просто не могу я так! Это же... мерзко и непорядочно! И вообще, разве сама Света не замужем?

— Конечно замужем! — презрительно усмехнулся Влади-

мир. — Но это не мешало ей раньше частенько стоять на коленках в моем кабинете, а когда не сработало — нашла другой путь для повышения!

Картинка в голове была слишком отчетливой, и к горлу подступила тошнота.

— Блин, я не хочу всего этого знать, Вов! — Я потерла виски, пытаясь отогнать нарастающую головную боль и дурноту. — Ты ведь тоже женат... как это вообще?..

— Добро пожаловать в мир мужчин, дорогая. Вот такие мы в большинстве своем засранцы и похотливые скоты! — огрызнулся Владимир, пряча глаза. — А ты если и дальше будешь столь же принципиальной, то так и будешь вечно проигрывать таким сукам!

— Ладно, — смиряясь, вздохнул мужчина. — Прости, это не то, что я должен на тебя вываливать. Хорошо, давай будем работать, как и работали, и, надеюсь, я найду способ избавиться от этой шалавы пронирующей.

— Как скажешь. — Я поднялась, так и не прикоснувшись к кофе.

— Ань, я, между прочим, серьезно. Проще надо быть. Может, тогда и замуж выскочишь. А то твой вечно неприступный вид всех мужиков отпугивает нормальных. Вон, только одни только озабоченные засранцы и рискуют, но и тех ты отшиваешь!

— Вов, в какой момент мы стали настолько близки, чтобы обсуждать мою личную жизнь? — в замешательстве спросила

я.

Знал бы ты на самом деле, какую жалкую картину на данный момент представляет эта самая моя личная жизнь. Тайная глупая влюбленность в незнакомого мужика, из-за которой я чуть не стала чертовым сталкером, и идиотские бесплодные поиски партнера, в которых ищу волшебное исцеляющее снадобье от нездоровой зависимости и навязчивых мыслей и фантазий.

– Может, в тот самый момент, как она напрямую стала касаться предстоящей совместной нормальной работы? Или, может, я, после того как сообщил тебе о том, как твоя новая начальница делала мне минет прямо в кабинете, считаю себя вправе давать советы, – Владимир изогнул одну бровь, цинично ухмыляясь.

– А я сказала, что не хочу всего этого знать! – отмахнулась я.

– Ань, я серьезно. Я не дурак и понимаю, что Светка теперь постарается тебя третировать, и не хочу из-за нее потерять такого работника. Так что позволь себе маленькую гадкую радость. Каждый раз, когда она будет доставать тебя, представляй ее отсасывающей мне. Может, она сейчас и возбралась повыше, но не позволяй себе забыть, каким способом, и усомниться в том, что ты гораздо лучше.

– Что же, спасибо за совет, но вряд ли мой вариант избавления от стресса на работе будет заключаться в грязных фантазиях с твоим участием. Нет уж, спасибо! – покачала я

головой.

Естественно, Владимир оказался прав, и едва я вернулась на место, появилась Света с ехидной ухмылкой на губах и завалила меня работой по самую макушку. При этом она говорила со мной так, словно одолжение мне делала тем, что вообще снизошла до общения. И куда только делась недавняя подобострастная и заискивающая улыбочка и просительный тон, когда она кланчила моей помощи? Ну что же, Аня, эта твоя новая рабочая реальность.

Глава 9

Выползла я из кабинета, когда на улице уже начало смеркаться. Выйдя наружу, увидела, что то, что мне из окна казалось небольшим дождиком, на самом деле было настоящим ливнем.

Прыгая через огромные лужи и целые реки, с которыми, как всегда, не справлялись ливневки, я, изрядно вымокнув, добралась до машины. Но только для того, чтобы понять после десятка неудачных попыток, что сдвинуть ее с места мне не светит. Головная боль, скопившиеся за день злость и досада сжали горло и подступили жгучей влагой к глазам. Да что же, к такой-то матери, за день у меня сегодня!

Вернувшись в офис, похожая уже на мокрую курицу, я, помявшись с минуту, все же озвучила свою проблему парням из охраны. Как ни странно, но они были почти рады заняться хоть чем-то, кроме бесконечного слежения за мониторами, в которых ничего и не думало происходить. Попросив у меня ключи, двое из них практически помчались в темноту парковки с фонариками наперевес.

– Вы присаживайтесь, согрейтесь! – сделал широкий приглашающий жест третий, чуть постарше остальных, не прекращая при этом откровенно пялиться на мою грудь. – Кофе хотите?

– Нет, спасибо! – Я уселась в кресло в холле, самое уда-

ленное от его рабочего места, и с чрезмерным вниманием уставилась на висящий на стене большой плоский экран.

Похоже, в офисе уже вообще никого не осталось, и мысль о том, что я нахожусь в этом здоровенном здании наедине с тремя охранниками, казалась почему-то пугающей. Очень странно, потому как разве не обязанность охраны внушать окружающим чувство безопасности? Не знаю уж почему, но я защищенности точно не чувствовала. Наоборот, короткие взгляды, которые кидал в мою сторону оставшийся секьюрити, жутко напрягали меня, до такой степени, что на теле волосы вставали дыбом, и так и хотелось передернуться.

По телевизору шел какой-то новостной выпуск, и я рассеянно пропускала сквозь себя видеоряд, пока что-то не царапнуло странным образом, заставляя сосредоточиться на картинке и звуке.

– ...Следователи пока не дают комментариев и никак не классифицируют случившееся в коттедже Аляны Винеску, хорошо известной в определенных кругах. Женщина позиционировала себя как потомственную ворожею и гадалку, а также бралась за целительство и заявляла о способностях ясновидящей. – Корреспондентка стояла у высокого глухого кирпичного забора, на котором в качестве дополнительных, совершенно излишних и даже нелепых украшений виднелись вмурованные, видимо, еще при строительстве причудливые кованые знаки. Из-за забора поднимался столб дыма, а мимо сновали люди в полицейской и пожарной форме.

ме. Я, нахмурившись, уставилась на экран и терла висок, выживая из памяти, где я видела такой дурацкий забор. Ну! Ну же! Ах, вот оно! Сколько помню, каждую неделю мы с мамой ездили к какой-то ее знакомой. Не знаю, правда, зачем, и саму знакомую не помню, потому что забор был обычно последним, что я видела. По дороге меня вечно начинало клонить в сон, и просыпалась я всегда, уже когда ехали назад. Воспоминание было размытым и почему-то дискомфортным. После этих поездок я была разбита, и у меня болело все внутри. Такая противная распирающая боль, как будто твоим легким, сердцу и прочим органам тесно, и они норовят разорвать сдерживающую их оболочку из плоти. В общем, приятного в том, что я вспомнила, было мало. Усугублялось все еще и тем, что после последней поездки мама стала вести себя со мной холодно и даже агрессивно. Едва мы вошли в квартиру, я поняла, что она очень зла. Когда я попыталась поговорить, она впервые в жизни заорала на меня, сжигая на месте уничтожающим взглядом.

– Ненавижу тебя! – кричала она, и я, не понимая, что происходит, просто пятилась от нее. – Ты разочарование! Бездушное чудовище! Сколько бы я ни билась – ничего с этим не поделать! Я столько сил потратила, всю себя вложила, но, видно, это твоя вина, что ничего не вышло! Не смей ко мне никогда больше подходить! Не смей заговаривать со мной!

Я смотрела на нее в шоке, не узнавая самого близкого и родного человека на свете в этой разъяренной фурии. Мне

было страшно, больно и при этом безумно жаль маму, потому что она в этот момент выглядела не столько взбешенной, сколько изможденной и отчаянно разочарованной. Глубокие темные тени залегли под глазами, лицо осунулось, кожа потеряла свое здоровое сияние, а руки дрожали. Она, оттолкнув меня, ушла в свою комнату и заперла дверь. Я, испуганная и растерянная, позвонила отцу, и он велел вызвать доктора. Когда пришел врач, мама не открыла дверь и кричала, чтобы мы все убিরались. Больше живой я ее не видела.

– Думаете, мы, простые охранники, вам, таким фифам, не ровня? – Я охнула и едва не подскочила от голоса почти над самым ухом. Как я могла так задуматься и пропустить, что третий охранник подошел ко мне почти вплотную?

Попыталась развернуться, но тут сильная потная рука обхватила шею, вжимая меня обратно в мягкое кресло. Мужчина наклонился надо мной, перегибаясь через спинку, и гадко ухмыльнулся.

– Какого черта! – возмутилась я и рванулась, но рука на горле сжалась сильнее. Следов не будет, но дискомфорт уже ощутим.

Сердце сорвалось в безумную скачку, а каждая мышца тела напряглась в протесте.

– Что, думаешь, ты слишком хороша для того, чтобы даже глянуть в мою сторону, заносчивая сучка? – прошипел он, пахнув несвежим дыханием.

Я выдохнула, стараясь привести свои мысли в порядок, и

посмотрела в его наглые желтовато-зеленые глаза. В конце концов, мы в офисе, здесь камера, за дверями двое его коллег. Ничего ублюдок мне не сделает.

– Руки убери, урод! Завтра же ты не только на улицу вылетишь, но и под суд пойдешь за домогательства! – старалась говорить так уверенно, как только могла.

– Да что ты! – глумливо фыркнул он и вдруг сильно сжал второй рукой мою левую грудь сквозь ткань блузки. – А в чем будет состоять суть твоих претензий? Камеры сюда не направлены, тут слепая зона, звука на них нет вовсе. Поэтому я могу не только лапать тебя, сколько вздумается, но и перегнуть и оттрахать. И можешь бежать в полицию и жаловаться, но у тебя не будет никаких доказательств. Замаешься бегать и унижаться. В полиции тоже, знаешь ли, мужики работают, и они знают, что таких заносчивых сук надо трахать во все щели, чтобы помнили, что мужики в этой жизни главные, и знали ваше бабское место.

Ублюдок сжал сосок так сильно, что я не смогла сдержать болезненного вскрика, и на глаза навернулись слезы. Но первый шок уже прошел, и поэтому я вцепилась в его руку своими, стараясь вогнать ногти поглубже.

– Пошел на хер, скотина! Ты жалкий придурок и неудачник, а не мужик! Нормальному мужику никого не надо унижать и принуждать. И уж точно пугать не нужно, чтобы внимание привлечь. А на такого огрызка, как ты, я бы и под страхом смерти сама бы не повелась!

Он, вместо того чтобы отпустить, еще сильнее сжал мою плоть. Настолько, что вскрика я уже не смогла сдержать.

– Дура, думаешь, мне вообще согласие требуется? Все вы шлюхи, только корчащие из себя недотрог. А засади пожестче и поглубже, уже извиваетесь и стонете, готовые на все!

– Убери свои лапы от меня и кончай смотреть порно круглые сутки, дебил! От него у тебя вместо мозгов каша! – Я махнула рукой, пытаясь ударить его в лицо или хоть расплосовать его ногтями, одновременно рванулась, уже не щадя себя.

Отпустил он меня так же неожиданно, как и схватил, и я просто рухнула вперед на колени, и в следующую секунду с улицы вошли остальные охранники.

– Еще поболтаем, будь уверена, – тихо процедил мерзавец через плечо, спокойно направляясь к своему месту за мониторами.

Парни замерли, с удивлением взирая, как я поднимаюсь на дрожащие ноги.

– Анна Викторовна, похоже, у вас стартер навернулся, и сегодня машина точно не заведется. – Я едва понимала слова из-за грохота крови в ушах. – Давайте мы такси вызовем, там дождь закончился, но лужи по колено!

– Не... – горло не слушалось, и мне пришлось несколько раз сглотнуть, при этом я столкнулась с насмешливым взглядом домогавшегося мерзавца. – Не надо. Я пройду до проспекта и поймаю его сразу там!

Я буквально задышалась и просто пронеслась мимо этих двух парней, даже и не вспомнив о ключах от машины.

Глава 10

Не шла, почти бежала, не обращая внимания, куда наступаю.

– Анна Викторовна! – Тот самый охранник, что предложил вызвать такси, спешил ко мне с моей сумкой в руках.

Вывхватив ее у парня, я только кивнула, потому что выдать ни единого слова не смогла бы.

– Все нормально? – с тревогой заглянул он мне в лицо. – Давайте провожу.

Я замотала головой и просто опять понеслась по залитому тротуару. Звук мощного двигателя, как и свет фар, оказался неожиданностью, и из-за угла на меня буквально вылетел автомобиль, окатив грязной дождевой водой с головы до ног. Мерзкая холодная струйка потекла под одеждой по спине, заставляя враз продрогнуть все тело. Во мне будто что-то лопнуло, и я закричала от досады и тут же самым позорным образом разрыдалась. Привалившись к ближайшей стене, стояла, всхлипывала и тряслась, размазывая косметику по лицу. И в этот момент мне было совсем наплевать, что окатившая меня машина затормозила в конце улицы и начала сдавать назад, почти так же быстро, как неслась до этого.

– Я не заметил вас!

Голос... как описать его? Это как будто никогда раньше не знать речи и жить в тишине, среди существ, общающихся

ся лишь знаками, и вдруг в этом безмолвии по-настоящему услышать. И первая безусловная реакция – это испуг. Словно ты точно уверена, что находишься в пустой квартире, и неожиданно кто-то заговаривает с тобой. В этот момент разве возможно разобрать интонацию или даже слова за диким грохотом пульса в собственных ушах? Да ни одного шанса! Поэтому я просто стою и смотрю на темный силуэт низкого авто, подсвеченный только габаритами, и ничего не могу поделать с тем, что боюсь. Просто боюсь.

Дверца с моей стороны открылась. Освещение в салоне мягкое, я бы сказала, даже скудное, но его было достаточно для того, чтобы мои ноги затряслись. За рулем Он. ОН! Исчезла улица, мокрая одежда, бесследно испарилась моя истерика, потому как по сравнению с эмоциями от Его присутствия этот взрыв был просто смехотворным.

– Мы можем стоять тут всю ночь, конечно. Но, думаю, лучше будет, если вы сядете в машину, и я отвезу вас куда надо. – Это нисколько не похоже на извинение или вежливое предложение. Ни в коей мере. Это приказ, высказанный мягко, но, однако же... – Садитесь!

Я делаю шаг от стены, и тут внутри бешено взывает тревожная сирена, от которой у меня ледяная изморозь вдоль позвоночника, и ноги будто вязнут в ставшем неожиданно болотом асфальте. Замираю на месте, тогда как интуиция вопит, что нужно бежать. Сейчас же!

– Ну же! – В глубоком, чуть рокочушем голосе нет нетер-

пения, зато есть нечто другое. Не знаю, как это назвать, кроме как принуждение. Мягкое, вкрадчивое, но абсолютно непреодолимое для меня. Словно на мою талию набросили аркан и медленно волочат. Это не причиняет боли, но все равно ощущается насилием, и мое сознание вдруг расслаивается. Я делаю еще один шаг к машине на трясущихся ногах, тогда как моя испуганная половина уже просто начинает заходиться в истерике на грани панической атаки. Но в этот момент вдруг неизвестно откуда проявляется другая, до этих пор незнакомая часть меня. Она – чистая, неразбавленная похоть. Низменный примитивный голод, который будто спал всю жизнь, а вот именно сейчас решил пробудиться. Подобное ни с чем не перепутаешь, даже если испытываешь впервые, и никакие вбитые моральные нормы и собственные внутренние запреты тут не властны. Мое тело укутано как в плотное шелковое покрывало, которое прирастает к коже, заменяет собой плоть, делая ее подвластной себе, а не моему разуму. Это настолько ошеломляет меня, что я становлюсь глуха к воплям инстинкта самосохранения и уже опускаюсь на кожаное сидение, не отрываясь глядя на мое наваждение. Он не смотрит на меня, только перед собой, демонстрируя мне ту сторону лица, на которой нет шрама. А я просто не могу оторваться, элементарно взять и повернуть шею, чтобы хотя бы сделать нормальный вдох. Потому что Он просто ошеломляющий и ужасающий. Его так много, что не передать словами. Как будто все люди, виденные мною раньше,

были двумерными, плоскими, а Он настолько объемён, многогранен, что мои глаза и мозг не могут охватить Его образ полностью.

– А я уж думал, не обратил ли случайно тебя в камень. – Теперь, когда двери машины закрыты, Его голос заполняет все внутреннее пространство салона, и от этого мой страх снова умудряется прорваться на поверхность, отшвырнув вожделение, и вопит, что я в ловушке! Меня начинает трясти, и зубы лязгают так, что я не могу это скрыть.

– Адрес. – Он нахмурился и нажал какие-то кнопки на панели.

Поток теплого воздуха мягко окутал меня, но это совершенно не помогло.

Способность говорить все еще не вернулась ко мне, и поэтому я просто сижу и пялюсь на него.

– Если ты не скажешь куда ехать, нам придется простоять тут всю ночь. А у меня точно есть занятия интереснее и полезнее.

Равнодушный, почти пренебрежительный тон неожиданно сработал как отрезвляющая хлесткая пощечина. Все напряжение дня, каждая раздражающая ситуация, обиды и месяцы моих молчаливых страданий по Нему переплавились в злость от этого безразличия. И страх, и похоть были резко сдвинуты.

– Я не навязывалась! – огрызнулась я и попыталась открыть дверцу.

Щелчок блокировки резанул по моим нервам.

– Адрес! – В голосе мужчины завибрировало столько силы, что я не могла понять, от чего меня вдавило в сидение – от нее или от того, что Он резко тронулся.

Я пробормотала требуемое и уставилась перед собой. Мужчина даже не кивнул, а просто свернул на нужную улицу. Ехать сейчас, когда пробки почти рассосались, предстояло минут двадцать. Но уже через пять я поняла, что находиться так близко к Нему – настоящее испытание. Стоило мне снова скосить глаза на жесткий профиль Его лица, и моя злость бесследно испарилась и вернулись прежние эмоции. И если как немного совладать со страхом, я еще имела представление, то что делать с этим жаром, который болезненно расползался по телу и туманил мозг, я не знала. Сидела неподвижно, сцепив на коленях руки, в то время как ощущала себя истязаемой и раздираемой ледяной паникой и удушающим пламенем возбуждения одновременно. Такое ощущение, что все внутри меня стало хаотичным сплетением этих двух стихий. И самое противное, что ни одна из них не боролась на моей стороне за мое здравомыслие, а только обе против.

Одна истерично хрипела: «Посмотри, он просто ужасен! Эти огромные руки с грубыми пальцами с легкостью сломают каждую кость в твоём теле и разорвут сердце! Беги! Спасайся!»

«Ох, да, эти руки! Сильные, властные, точно знающие, что

делать с тобой! – липко мурлыкала вторая. – Разве у тебя было хоть когда-нибудь что-то подобное?»

«Нельзя! Стоп! Разве не видишь, кто перед тобой? – впи-
вались в мозг морозные колючки. – Хищник! Убийца! Такие
никогда ничего никому не дают! Только берут для себя!»

«А разве тебе не хочется, чтобы он взял тебя, присвоил? –
распевало в ответ жидкое пламя. – Хотя бы раз, чтобы про-
сто знать, каково это? Будет ли у тебя еще хоть один шанс
испытать подобное?»

«Разве твой день и так не был достаточно плох, а даль-
нейшие перспективы паршивы, чтобы усугублять это, доб-
ровольно подвергая опасности?»

«Вот именно! Позволь себе глоток удовольствия! Один.
Сладкий. Пьянящий. Ты же этого хочешь. Его хочешь. Так
давно! Так сильно!»

Обычная разумная часть моей натуры, которая всегда и
была мной, взирала со стороны за этой борьбой, нисколько
не помогая мне, будто пребывая в параличе.

– Мы приехали. – Сердце подпрыгнуло, и я испуганно за-
окинулась. Да, действительно, иномарка замерла напротив
моего подъезда.

«Решайся!» – вопила похоть.

«Беги, пока можешь!» – затыкал ее страх.

– Я... то есть... спасибо, что подвезли, – пробормотала я,
дергая ручку двери.

– Не та ситуация, когда ты должна благодарить, – безраз-

лично ответил Он, и громко щелкнула блокировка.

– Просто я хотела... – Боже, это кошмар какой-то, зачем я делаю это? Зачем мямлю? – Может, чаю?

Он повернул голову в мою сторону так резко, что мне захотелось отшатнуться. Прищулив свои глубоко посаженные глаза, вперился в меня тяжелым взглядом, который, казалось, гнул мой позвоночник, проверяя на прочность. Мужчина резко выдохнул и немного наклонился ко мне, а потом глубоко вдохнул, до предела наполняя легкие. Больше всего это было похоже на то, что он принюхивался. И от этого дикого предположения мое и так выходящее из-под контроля возбуждение стало таким острым, что низ живота стянуло в тяжелой болезненной судороге.

– Чай – нет! – отрезал мужчина, с размаху швыряя меня из огня в обжигающий холод.

Ну, вот и все. Чего ты вообще хотела, Аня? Надеялась, что он ухватится за возможность узнать тебя поближе? Размечталась, идиотка!

– Хм... ладно. Тогда до свидания! – Стремительно открыв дверь, я вылетела из салона, ощутило приложившись плечом.

Понеслась к подъезду, растирая ушиб и одновременно радуясь ему, потому что можно списать слезы, застилающие глаза, на эту боль. Взлетев по лестнице, достала трясущейся рукой ключи. Уронила. Снова подняла и стала слепо тыкать в замочную скважину. Неожиданно сильная рука, как желез-

ным обручем, обхватила мою талию, вызывая крик, который был оборван второй ладонью, зажавшей мой рот.

– Чай не пью, – повторил голос, от которого я одновременно сгорала заживо и замерзала насмерть, – но тебе ведь совсем не это от меня и нужно.

Он не спрашивал. Зачем?

Я застыла, а Он освободил мой рот и, отобрав ключи, открыл замок. Без всяких церемоний практически втолкнул меня в мою же прихожую и захлопнул дверь.

Глава 11

Темнота обрушилась на меня, отрезав от внешнего мира и любой возможности позвать на помощь. Хотя мне почему-то казалось, что ее не было и до этого, с того самого момента, когда я решилась сесть в машину. Но именно сейчас я до конца осознала всю окончательность и неотвратимость ситуации. Было ли мне страшно? Безумно. До такой степени, что уже нельзя было сказать: стало этой эмоции больше или меньше, потому как любые критерии размера отказали ввиду чрезмерности. Ведомая чужой волей, сделала один шаг, второй, и снова рука властно сжала талию, безмолвно приказывая остановиться, и меня начало потряхивать от сдерживаемой силы этого простого движения. Откуда-то я знала, что Ему ничего не стоит просто сломать меня пополам, сжав чуть настойчивее. И я абсолютно ничего не смогу сделать, пожелай Он осуществить это. Ни оказать сопротивление, ни вымолить пощаду. Я поймана в ловушку, бессильна, уязвима, и нет никого и ничего, что могло бы спасти меня. Эта мысль потрясла своей обреченностью и одновременно освободила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.